

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского,
д. 82

ОТЗЫВ

**на диссертацию Царика Владимира Станиславовича
«Формирование системы противодействия «российской
информационной угрозе» на Западе (2014-2019 гг.): концептуальный и
институциональный аспекты», представленную на соискание ученой
степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. –
«Международные отношения, глобальные и региональные
исследования»**

Диссертационное исследование В. С. Царика посвящено актуальной, в чём-то даже злободневной теме, и вносит свежую струю в поток отечественных изысканий о многолетних усилиях так называемого коллективного Запада в направлении сдерживания и подавления российского военно-политического потенциала, лишения России рычагов влияния в ближнем зарубежье и, шире, в общеевропейском пространстве. Автор выделил для себя довольно обширный сегмент направлений информационной политики НАТО, ЕС и отдельных государств и, объединив их в единый комплекс, взял на себя труд доказать, что в рамках этого комплекса в выбранный им период времени происходило становление полноформатной системы подавления российского голоса на международной арене в рамках общего курса на маргинализацию России как самостоятельной силы в международных делах.

Работа охватывает одновременно три области российско-западного информационного противостояния – киберпространство, пропаганду в СМИ и дезинформацию в соцсетях, объединяя их в условное понятие «российской информационной угрозы». Такое увязывание представляется логичным, учитывая стремление автора продемонстрировать масштабность и скоординированность усилий США и их европейских союзников по

борьбе с реальными или мнимыми вызовами, исходящими от России в указанных областях, и представить эти действия в качестве единой целостной разноуровневой системы. До некоторой степени оно оправдано и преобладающим западным политическим дискурсом: «русские хакеры», «фейковые новости», «российская дезинформация» и «русские тролли и боты» действительно нередко фигурируют в нём как явления одного порядка, различные проявления используемых Россией «гибридных технологий». Вместе с тем закрепление упомянутых явлений в программных политических и правовых документах, и формирование организационных механизмов по борьбе с ними развивалось по разным траекториям, что вполне отражено в тексте диссертации.

В приложении к поставленной цели исследования его структура представляется релевантной. Заявляя в качестве основной гипотезы тезис об искусственном намеренном конструировании дискурса о «российской дезинформации» и «гибридной угрозе», В. С. Царик подтверждает её путём тщательного документирования сначала экспертной полемики, а затем политических заявлений западных национальных государств и международных организаций и принятых ими решений касательно выбранных проблемных блоков – дезинформации, гибридных угроз, пропаганды в соцсетях и кибератак.

Вполне ожидаемо, что в роли теоретического каркаса работы выступает конструктивистский подход, в несколько утилитарном его прочтении: диссертант использует методологический аппарат конструктивизма, чтобы представить рассматриваемые им феномены «гибридной войны» и «российской дезинформации» в качестве продуктов дискурсивного конструирования, но цели такого конструирования в авторской интерпретации остаются сугубо геополитическими, лежащими в плоскости конфронтации с Россией и выстраивания желаемой её конфигурации, а сами упомянутые конструкты выступают исключительно инструментами в руках «антироссийски настроенных сил на Западе», не

приобретая собственной структурирующей роли даже в результате институционализации.

При этом автор на протяжении всего исследования остаётся в пределах выбранной им теоретико-методологической модели и выполняет условия, необходимые для констатации дискурсивного конструирования выбранных феноменов: указывает на инициаторов этого процесса, раскрывает их оперативные и стратегические цели, демонстрирует способы и конкретные каналы конструирования и анализирует полученную конфигурацию с точки зрения эффективности закрепления продвигаемых конструкторов. Аргументацию диссертанта стоит признать убедительной, каузальные связи между рассматриваемыми фактами обоснованы в достаточной степени.

В исследовании добросовестно систематизированы базовые политические решения в рассматриваемых сферах информационной политики западных государств, определены ключевые организационные субъекты внутри некоторых из них, заинтересованные в становлении и усилении отдельной инфраструктуры противодействия гибридным и информационным угрозам, указаны ключевые поворотные события, использованные заинтересованными субъектами для стимулирования данного процесса.

Впечатляет обширность и разнообразность привлечённых диссертантом источников, среди которых фигурируют как официальные документы западных государств и международных организаций, так и академические публикации, экспертные оценки, а также статьи в СМИ и посты в социальных сетях. Качественный разбор академических и аналитических работ, сформировавших концептуальную основу конструкторов «гибридной войны со стороны России» и «российской дезинформации и пропаганды», представлен в первой главе диссертации. Фактически в нём показано, как политическая наука и экспертиза использовались в виде одной из плоскостей конструирования данных феноменов. Стоит подчеркнуть тот факт, что если вокруг концепта

«гибридной войны» в западной политологической среде присутствовали некоторые разногласия и велась определённая полемика, то в отношении «российской дезинформации», как можно понять из текста диссертации, серьёзных научных споров практически не велось. Примечательно также и то, что изучение тематики «гибридной войны» и информационной безопасности в западной политической науке не вписывается в рамки той или иной теоретической парадигмы и происходит преимущественно в отрыве от общетеоретических дебатов, как описание новых средств борьбы с либеральной политической системой со стороны неких глобальных ревизионистов, чья мотивация подвергается значительному упрощению.

Выводы исследования сформулированы доходчиво и обоснованно и отражают авторское видение предмета исследования в целом. Диссертант расценивает конфронтационный курс Запада в отношении России как закономерное следствие кризиса 2014 года, который задал базовый контекст для присвоения России «образа Врага», в том числе в информационной сфере. При этом автор не видит реалистичных возможностей для преодоления сложившихся противоречий в рамках существующих геополитических параметров глобальной системы и полагает, что Россия не может своими действиями повлиять на устойчивость выстроенной Западом системы информационного противодействия.

Стиль изложения в диссертации отличается конкретностью, в некоторых местах доходящей до чрезмерной категоричности. Для дополнительной наглядности и систематизации авторских аргументов было бы уместным использовать элементы схематизации.

Теоретическая значимость работы состоит прежде всего в том, что предложенная в работе исследовательская модель могла бы стать основой для дальнейших исследований в области управления информацией. В практическом отношении она ценна тем, что фактически описывает целый спектр методик, применяемых в современном мире для решения политических задач информационными средствами.

Несмотря на указанные достоинства, диссертация содержит некоторые проблемные места, требующие дополнительного осмысления и, в перспективе, коррекции.

Так, на фоне обширного и качественного эмпирического материала диссертации, позволяющего делать чёткие и понятные прикладные выводы, в последних, напротив, иногда наблюдается чрезмерное наукообразие и путаница. Например, как элемент научной новизны указывается следующее: «Осмысление дискурсов о «гибридной войне» и «российской информационной угрозе» как продуктов дискурсивного конструирования в западном академическом и публичном пространстве, использованных для объединения в единое целое конвенциональных, иррегулярных, экономических и информационных средств ведения войны и международной конкуренции и для приписывания России роли инициатора в использовании подобных средств для реализации военно-политических целей».

Или, при обосновании теоретической значимости исследования, говорится, что она «заключается в переосмыслении концепта «гибридной войны» как особого идеологического конструкта, введённого в западное публичное и академическое пространство для решения конъюнктурных политических задач в контексте конфронтации с Россией, а не описания реально существующего или вновь открытого феномена, а также в углублении представлений о дискурсивном конструировании политической реальности в западном публичном пространстве, в том числе через экспертные и академические публикации программирующего, а не описательного, характера».

Кроме общей «туманности» указанных выводов, автор загоняет себя в терминологическую и далёкую от научности ловушку, противопоставляя друг другу такие термины, как «объективность», «реально существующий или вновь открытый феномен», с одной стороны, и «конъюктурность», - с другой; «программирующий» и «описательный». Дело в том, что такое

противопоставление допустимо лишь на бытовом уровне, в научном же исследовании (в том числе в диссертации автора) легко доказывается, что «объективность» может быть «конъюнктурной», а «описательность» - «программируемой». Современная информационная война строится не столько на искажении, сколько на разном смысловом сопровождении одних и тех же фактов.

Возьмем одно из выносимых на защиту положений: «Концепт «гибридной войны» является не результатом объективной оценки политических процессов, а продуктом дискурсивного конструирования с использованием экспертно-аналитической и академической формы подачи для имитации научности». Если убрать из текста фразы «не результатом объективной оценки политических процессов» и «для имитации научности», то оставшаяся часть будет выглядеть вполне научно.

Хотелось бы обратить внимание и на следующее. Уделяя приоритетное внимание «разоблачению» применяемых Западом механизмов «гибридной войны», автор уходит от оценки их управленческой значимости. Между тем, эти механизмы носят обоюдоострый характер, то есть могут эффективно применяться любой из сторон, отсюда заслуживают не только критики, но и рекомендаций по использованию в российской практике информационного противодействия.

Указанные замечания не умаляют ценности, актуальности, новизны и оригинальности представленного диссертационного исследования. Считаю, что научное исследование Царика В.С. «Формирование системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе (2014-2019 гг.): концептуальный и институциональный аспекты» является полноценной научно-квалификационной работой, содержащей решение поставленной задачи и имеющей важное значение для политической науки и практики. Диссертация отвечает требованиям Порядка присуждения учёной степени кандидата наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

утверждённого приказом ректора РАНХИГС от 7 декабря 2021 года № 02-1336, а Царик Владимир Станиславович заслуживает присуждения ему учёной степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4 - «Международные отношения, глобальные и региональные исследования».

28 августа 2023 г.

**Доктор политических наук, профессор;
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических
наук Московского государственного лингвистического
университета**

Чумиков Александр Николаевич

